
Б. О. ДОЛГИХ

НЕКОТОРЫЕ ОШИБОЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ВОПРОСЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА

В своей статье «О происхождении бурятского народа»¹ С. А. Токарев возражает против ряда основных положений моей работы «Некоторые данные к истории образования бурятского народа»². Он не соглашается с тем, что племя хоринцев к приходу русских жило в Забайкалье, и совсем отрицает существование племени табунутов, которое, по нашим данным, явилось одним из составных элементов бурятского народа. По утверждению С. А. Токарева, в Забайкалье в XVII в. жили многочисленные буряты, «утратившие родоплеменные деления» и объединявшиеся «лишь в административно-политические, феодальные группировки». Именно этих бурят С. А. Токарев считает предками основной массы забайкальских бурят.

Такое утверждение, впервые выдвинутое С. А. Токаревым еще в 1939 г. и вновь повторенное в 1953 г.³, является совершенно произвольным. До нас дошло довольно много ясачных книг по Иркутскому и Нерчинскому уездам, до нас дошли даже архивы Иркутской и Нерчинской приказных изб, содержащие много уголовных, гражданских и политических дел, но ни в одном из документов не фигурируют какие-либо другие группы предков современных забайкальских бурят, кроме хоринцев, табунутов, выходцев из Предбайкалья, атаганов, сартолов, хатагинов и узонов.

Замечу, что С. А. Токарев неосновательно упрекает меня в том, что я не показываю атаганов и сартолов на карте, приложенной к моей статье⁴. Атаганы и сартолы выделены на этой карте особой штриховкой, не показаны только хатагины, так как они в XVII в. почти не жили в русских владениях. Узоны (одзоны) показаны на карте в Цецен-хановском аймаке, где жила их большая часть.

С. А. Токарев пытается опровергнуть мое утверждение о том, что «братские люди» за Байкалом, о которых русские знали уже в 1641 г.⁵ и которых нашел за Байкалом атаман Василий Колесников, были хоринцами. Он считает, что предки хоринцев ко времени прихода русских жили только к западу от Байкала.

Ход моих рассуждений по вопросу о племени «больших братских людей» Забайкалья был такой. До начала последней четверти XVII в. русские называли в Прибайкалье «братскими людьми» лишь булагатов (с отделившимися от них частями ашехабатов и икинатов), эхэритов, хон-

¹ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 37—52.

² Б. О. Долгих, Некоторые данные к истории образования бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 1, стр. 38—63.

³ С. А. Токарев, Расселение бурятских племен в XVII в., «Записки Бурят-Монгольского гос. научно-иссл. института языка, литерат. и истории», вып. 1, 1939; его же, О происхождении бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 51.

⁴ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 51.

⁵ ДАИ, т. II, стр. 248.

годоров и хоринцев⁶. Табунутов, атаганов, сартолов, хатагинов и узонов в то время русские «братскими людьми» не называли. Присутствие в 1640-х годах в Забайкалье булагатов, эхэритов и хонгодоров исключается. Таким образом, остается предположить, что «братские люди», которых нашли за Байкалом русские в 1645 г., были хоринцы.

Мое предположение подтверждается и тем, что в 1670-х и 1680-х годах хоринцы после возвращения из Монголии включали в перечень своих исконных («породных») земель не только остров Ольхон и полосу земли на западном берегу Байкала у рек Большой и Малой Бугульдеих, но в первую очередь и степи на восточном берегу Байкала, по правобережью р. Селенги, в частности, следовательно, и ту самую Кударинскую степь («Кутору»), где встретил своих «больших братских людей» атаман Василий Колесников.

Известно также, что до выселения в Монголию, т. е., вероятно, в период с 1647 по 1650 г., хоринцы платили ясак именно в Забайкалье в Баргузинский острог⁷. В 1674 г., когда хоринцы вышли из восточной Монголии под Нерчинск, они просились «на их прежнюю породную землю к Байкаловскому озеру и Ольхон остров»⁸. В 1675 г. они опять просились «на прежние их породные земли к Байкалу морю и на Ольхон остров и в иные урочища Баргузинского острогу»⁹. Из этих заявлений никак нельзя вывести заключение, что исконной территорией хоринцев был только западный берег Байкала и остров Ольхон.

В 1679 г. хоринцы были уже в Кударинской степи и в степи по р. Итанце.

В документе 1683 г. сказано, что хоринцы кочуют «на своих породных землях у Байкала моря близ Итанцинского зимовья по Селенге и Итанце рекам и на море на Ольхоне острове и на матерой земле по рекам Большой и Малой Бугульдеихам. И для збору де с них иноземцев поставлено зимовье на Селенге реке на устье Итанцы реки»¹⁰. В Итанцинском зимовье по крайней мере вплоть до 1730-х годов находился центр управления хоринцами и сбора с них ясака. Таким образом «породной», коренной территорией хоринцев считались также и низовья Селенги, а не только остров Ольхон и западный берег Байкала.

С. А. Токарев считает, что на западном берегу Байкала и на острове Ольхон было достаточно места для всего племени хоринцев. В своих рассуждениях он опирается, в частности, на данные переписи 1897 г. По С. Паткапову, в 1897 г. в Еланцинском и Кутульском ведомствах, в пределы которых входили остров Ольхон и полоса освоенной бурятами земли по западному берегу Байкала в районе устьев рек Большой и Малой Бугульдеих и против острова Ольхон, было 5015 бурят¹¹, т. е. несколько меньше, чем числилось всего хоринцев в середине XVII в. Но при сравнении численности бурятского населения на одной и той же территории в 1897 г. и в XVII в. надо иметь в виду изменение плотности населения в связи с развитием хозяйства. Так, в Верхонском уезде, на коренной территории эхэритов, в 1897 г. проживало 21 527 бурят. В середине же XVII в. всех эхэритов было не более 3500. Таким образом, здесь плотность населения, благодаря переходу к оседлости, внедрению плужного земледелия, интенсификации животноводства и т. д., увеличилась с XVII до конца XIX в. в шесть раз. Применяя этот коэффициент в отношении территории Еланцинского и Кутульского ведомств, соответствующую

⁶ Кроме того, в это же время русские называли «братскими людьми» также и дауров на Амуре.

⁷ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1695, ч. 1, л. 371; ф. 1142, ст. 4, л. 32.

⁸ Там же, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, л. 89, 371—376.

⁹ Там же, ф. 1142, ст. 4, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 1142, ст. 19, л. 31; ф. 1121, ст. 71, л. 34—35.

¹¹ С. Паткапов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 502—503.

щей, по нашему мнению, территории, которую в XVII в. осваивали хоринцы на западном берегу Байкала, получим, что в XVII в. на западном берегу Байкала и на острове Ольхон постоянно могло жить 800—900 хоринцев. По документам известно, что в 1684 г. на западном берегу Байкала и на Ольхоне хоринцев было 150 юрт¹², т. е. около 750 человек. Эта величина довольно близка к вычисленной нами.

С. А. Токарев предполагает, кроме того, что хоринцы в XVII в., находясь на западном берегу Байкала, могли жить также на территории позднейших ведомств Баендаевского, Ользоновского и Хоготовского¹³. Эта территория составляла южную часть земель эхэритов (см. мою карту в журнале «Советская этнография», 1953, № 1), где в XVII в. были довольно тесно расселены эхэритские роды Олзонов, Баендаев и Абызаев. Кроме того, для предположения, что хоринцы занимали земли здесь по истокам Куды и левобережную верховьев Манзурки, т. е. располагались между эхэритами и булагатами, отделяя их друг от друга, у нас нет никаких оснований, так как это совершенно не отражено в источниках.

С. А. Токареву неясно, почему я на своих картах отделяю Верхоленский острог от берега Байкала, и в частности от хоринских улусов, сплошной полосой тунгусских кочевий¹⁴.

При нанесении на карту тунгусских кочевий я основывался на том, что на старых картах Прибайкалья (Иркутской губернии и Забайкальской области), например, в известном атласе «Азиатская Россия», изданном Главным переселенческим управлением, вокруг бурятских владений и земель русских крестьян и казаков отмечены опромные пространства неосвоенных таежных, горно-таежных и горных земель, числившихся за казной, но предоставленных в пользование так называемым «северным инородцам», которыми в данном районе являлись тунгусы.

Как бурятские, на моих картах помечены те земли, которые в конце XIX — начале XX в. были во владении бурятских ведомств. Так, земли хоринцев на западном берегу Байкала на моих картах соответствуют территории Еланцинского и Кутульского ведомств, а земли эхэритов и булагатов в бассейне верхней Лены, Манзурки и Куды — территории остальных бурятских ведомств Верхоленского уезда и территории ряда бурятских ведомств Иркутского уезда конца XIX — начала XX в.¹⁵

Кроме того, в бурятскую территорию включена также часть земель крестьян-старожилов, прилегавшая или перемежавшаяся с землями бурятских ведомств, а также и некоторые переселенческие участки, выкраивавшиеся царским правительством на бурятских землях.

Строго говоря, включение земель крестьян-старожилов в бурятские земли было не всегда правомерно, так как русские крестьяне в данном районе обычно избегали селиться на степных низменных бурятских землях, потому что на них была низкая урожайность. Крестьяне предпочитали расчищать себе поля на горах, не осваивавшихся бурятами, где урожайность была гораздо выше.

В горно-таежной области между бассейнами Куды и Манзурки, с одной стороны, и озером Байкал, с другой, часть которой носит название Онотского хребта, бурятских земель не было. Эта территория показана нами как тунгусская. Правда, в конце XIX — начале XX в. здесь было несколько русских сел и деревень, например, по р. Голоустной и другим, потому что, как мы уже указывали, русские крестьяне находили для себя выгодным селиться в подобных горно-таежных районах. Но буряты в таких районах, как правило, не селились.

¹² ЦГАДА, ф. 1142, ст. 19, л. 33.

¹³ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кстати, замечу, что граница между булагатами и эхэритами точно соответствовала границе между Иркутским и Верхоленским уездами.

С. А. Токарев не совсем верно излагает мою точку зрения по вопросу о табунутах. Табунуты, по моему мнению, монголоязычное племя (может быть, омонголившиеся тунгусы), которое вошло в состав современного бурятского народа в качестве одного из его основных компонентов. Находившиеся в ведении Селенгинского острога в XVII в. атаганы и сартолы стали считаться «братскими людьми» примерно с 1681 г., а табунуты, предки Цонголова рода, как указывает С. А. Токарев, — лишь с 1698 г. Но С. А. Токарев неправильно утверждает, что табунутов стали называть «братскими людьми» потому, что их состав к 1698 г. якобы «становится преобладающе бурятским»¹⁶. До начала XVIII в. никаких бурят в районе Селенгинска не было. Окин-зайсан в 1695 г. вышел из Монголии с 90 табунутами (имеются в виду лишь взрослые мужчины). Эти же табунуты фигурировали и в 1698 г. «Братскими людьми» их стали называть потому, что так именовалось все находившееся в русском подданстве монголоязычное население Прибайкалья.

В Забайкалье название «братские люди» распространялось на атаганов, сартолов, табунутов, а затем и хатагинов и узонов по мере их включения в русское подданство, по мере их включения в формирующийся бурятский народ, по мере того как они обособлялись от монгольского народа, а не потому, что они смешивались с какими-либо бурятами¹⁷.

Содержащиеся в некоторых документах указания о местожительстве табунутов позволяют заключить, что с запада их земли ограничивали реки Селенга и Чикой, а центром их территории были низовья Большого Хилка¹⁸. Табунуты считали, что земли по правому берегу Селенги выше устья Уды принадлежат им, и жаловались на хоринцев, когда те проникали сюда¹⁹. Восточная граница земель табунутов определена мной, исходя из границ владений бурятских и крестьянских земельных обществ и границ несостоявшихся горно-таежных районов в конце XIX в. Здесь, конечно, возможны уточнения.

В протиположность мнению С. А. Токарева, все же приходится считать табунутов обособленной племенной группой, жившей по правому берегу Селенги и по Хилку. В своей статье я приводил выписки из документов о том, что в 1674 г. табунуты «Учуроя хана»²⁰ не слушают и преж сего под его началом и не у ково не бывали. А живут де те табунуцкие люди под началом табунуцких князцов Иркема и Кетайчи своею особою» (стр. 52), что в 1682 г. монголы «кукановщина» отказывались при-

¹⁶ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 50.

¹⁷ Одна из причин заблуждения С. А. Токарева заключается в том, что он не отличает табунутов от так называемой «боронкошеуновщины». Упоминаемые в его статье «Расселение бурятских племен в XVII в.» как табунутские тайши Ирки, Ердени, Бинтухай, на самом деле были тайшами «боронкошеуновщины». Эти монгольские тайши вместе со своими подданными с 1688 по 1692 гг. одновременно с табунутами находились в русском подданстве. Но табунуты жили к востоку от низовьев Чикоя и к востоку от Селенги ниже устья Чикоя, а «боронкошеуновщина» кочевала главным образом к западу от табунутов за Селенгой и Чикоем. Показанные на моей карте («Советская этнография», 1953, № 1) в бассейне Селенги монголы представляют собой в основном «боронкошеуновщину». В частности, тайша Ердени («Ирдени Контазий») никак не мог быть табунутом и никогда не был им, потому что он не кто иной, как сын известного Алтын хана Гэндун (он же Дайчин) (см. А. П. Окладников, Очерки из истории западных бурят, Л., 1937, стр. 187—195). Во владения «Ирдени Контазия» входили Джида, окрестности оз. Косогол и другие западные, достаточно отдаленные от табунутов районы. Поэтому Ф. А. Головин и заключал договор с группой монгольских тайшей («боронкошеуновщиной») и отдельно с табунутами, особым, окраинным монгольским племенем, которое в эти годы возглавляли тайша Церен-Цекулай и Окин-зайсан. Имеется много указаний в источниках о том, что табунуты и борон (или бурон) кошеуновщина были совершенно разными группами населения бассейна Селенги (см., например, ЦГАДА, ф. 1121, ст. 261, л. 28—29, ст. 171, л. 147—148, стр. 213, л. 20—23, 52; ф. 21, оп. 4, № 28, стр. 112—114, 120 и др.).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 116; ф. 1121; ст. 213, л. 19, 36, ст. 222, л. 65—66 и др.

¹⁹ Там же, ф. 1121, ст. 435, л. 49—50.

²⁰ Т. е. Очирой-Саин хана.

святать за табунутов, так как это люди, которые «живут собою не под нашими тайшами» (стр. 54). К этим свидетельствам добавлю еще, что в том же 1674 г. табунуты жили «промеж» русских владений и «промеж мунгалских Учюроя и Гыгына-кана и им де они противны»²¹.

Эти заявления, на наш взгляд, вполне убедительно свидетельствуют о том, что табунуты в то время не были подданными монгольских ханов.

В заключение позволю себе сделать несколько замечаний относительно карты С. А. Токарева²². На этой карте стоит надпись «Забайкальские буряты». Как мы указывали выше, таких бурят в качестве какой-то отдельной группы, не имеющей своего племенного или родового имени, не было. Слово «забайкальские» помещается примерно на территории хоринцев, а слово «буряты» — на территории атаганов и сартолов (кроме последнего слога).

Недоумение вызывает надпись «Куркуты», помещенная в районе современного города Черемхово. Материалы XVII в. не содержат никаких сведений о том, что куркуты кочевали на этой территории. Все имеющиеся о куркутах данные свидетельствуют, что они кочевали по низовьям р. Куды и иногда уходили за Ангару в том же районе. К XIX в. куркуты частью переселились в низовья Китоа, частью на Иркут в Тунку.

Совершенно неверно показаны на карте С. А. Токарева готелы. В настоящее время потомки готелов живут по р. Иде. Эта же территория указывается как их местожительство и в многочисленных документах второй половины XVII в. В 1644 г. служилые люди из Верхоленского острога ходили на р. Оду к готелам не за Енисей (Ангару), а «к Енисею»²³. Есть все основания предполагать, что русские служилые люди первое время называли Одой (Ожой) именно реку Иду. В енисейской росписи рекам и землицам 1629—1630 г. прямо сказано: «А от усть-Унги реки, сказывают ясачные люди, до усть Ожи реки 2 дни ходу, а впала Ожа река в Тунгуску с левую сторону вверх идучи, а по Оже реке живут брацкие ж люди с устья и до вершины...»²⁴. Несомненно, что речь идет здесь о реке Иде и готелах.

Надпись «Ихириты» на карте С. А. Токарева проходит по тасжпым районам, в которых в XVII в. жили тунгусы. Только последний слог этой надписи приходится на местность, где в XVII в. действительно жили эхэриты. По остальной территории эхэритов на карте С. А. Токарева расположена надпись «Асипугаты», правда, снабженная вопросительным знаком. Об этих «асипугатах» стоит поговорить подробнее.

Термин «асипугаты» применялся в XVII в. подьячими Верхоленского острога как название того булагатского рода, который в других приказных избах XVII в. и в настоящее время известен под названием «ашехабаты». Этот род в XVII в. жил двумя группами: одна из них кочевала на среднем течении Оки, а другая — в самых верховьях р. Куды. Первая группа это те самые ашехабаты, которые показаны С. А. Токаревым на крайнем западе его карты, на р. Уде, а вторая — это «асипугаты», которым С. А. Токарев отводит почти всю территорию эхэритов. В конце XVII и начале XVIII в. часть ашехабатов из обеих указанных групп переселилась за Байкал и образовала там еще один Ашехабатский род. От переселившихся за Байкал ашехабатов произошел, вероятно, и «Асивагатский» род у баргузинских тунгусов. В конце XIX в. потомки ашехабатов продолжали жить тремя группами: на Оке, на верховьях Куды и в Забайкалье в районе Селенгинска.

²¹ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. II, л. 307—311; ф. 1142, ст. 1, л. 1—4.

²² С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 49.

²³ ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, л. 59.

²⁴ Н. Н. Степанов, Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII в., «Известия ВГО», т. 81, вып. 3, 1949, стр. 299. Кстати, замечу, что на карте С. А. Токарева устье Иды почему-то показано против устья Белой. В действительности устье Иды находится значительно ниже.

Для доказательства того, что термины «ашехабат» и «асипугат» представляют собой лишь варианты транскрипции одного и того же названия, приведу следующие факты. В документе 1699 г. сказано, что некий Обогал Инкереев «Осепагацкого роду» судился с членом Каранутского рода из-за украденной кобылы²⁵. В другом документе по этому же делу истец назван Абагалом Енкеевым «Ашхабатцкого роду»²⁶. В документе 1691 г. говорится, что шуленга «Асипугатцкого роду» Мойдой Ирбанов и его брат Казагар Ирбанов судились с булагатом Кугурдеева рода²⁷. В документе 1699 г. тот же Мойдой Ирбанов назван членом «Ашехабацкого» рода²⁸. Мне встречались следующие варианты транскрипции родового названия кудинских ашехабатов: «ашахабацкого», «ашехабатцкого», «асихабацкого», «асипугацкого», «асибогацкого», «ашабагацкого», «осибугатцкого» и т. д. Нет никаких оснований выделять среди ашехабатов особую группу «асипугатов».

Вызывает возражения и размещение на карте С. А. Токарева надписей «Хоринцы» и «Батулинцы». Во-первых, почему они расположены раздельно и именно таким образом — хоринцы к северо-востоку, батулинцы к юго-западу? Во-вторых, почему надпись «Хоринцы» проходит по горам в истоках Лены, где и в XVII и в начале XX вв. кочевали лишь одни олсеноводы-тунгусы? В-третьих, на каком основании батулинцы помещены в горно-таежной области, включающей и верховья р. Голоустной, где еще в 1926 г. тоже жили тунгусы?

Не занимаясь вопросами древней истории предков бурят, я не могу углубляться в критику взглядов С. А. Токарева, относящихся к этой области. Замечу лишь, что, если предки бурят в многочисленных русских документах XVII в. называются «братскими людьми», это несколько не означает, что они сами себя называли бурятами²⁹. «Братскими людьми» их называли русские, в частности русские подьячие, которые эти документы писали. Аналогичный пример представляют еще более многочисленные документы XVII в., относящиеся к якутам. Самоназвание якутов — саха, а в русских документах они всюду названы якутами. То же и с тунгусами: так их называли русские, а самоназвание их другое.

Для установления происхождения бурят очень важно знать, что представляли собой их предки к приходу русских в Прибайкалье. Со времени прихода русских (XVII в.) можно уже разрабатывать во всех деталях историю населения Прибайкалья, изучать процесс складывания бурятской народности. Зная точно, что представляли собой их предки к приходу русских, мы имеем базу и для углубления в более отдаленное прошлое. Конкретные и сравнительно точные данные старых русских документов помогут избежать тех ошибок, которые обычны при попытках исследовать древнейшую историю бурятского народа и его происхождение, опираясь главным образом на сообщения некоторых зарубежных источников, часто недостоверные, искажающие события и имена.

Установление родо-племенного состава, расселения и численности предков бурят к приходу русских дает ключ к решению вопроса об образовании бурятского народа и должно дать правильное направление исследованиям о происхождении тех составных его элементов, которые застали русские к западу и востоку от Байкала. Поэтому я и придаю этому вопросу такое большое значение.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1121, ст. 405, л. 10.

²⁶ Там же, л. 82.

²⁷ Там же, ф. 1121, ст. 301, л. 70.

²⁸ Там же, ст. 405, л. 44.

²⁹ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 47.